

АНАЛИЗ СОЦИАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ В. ПАРЕТО

(работы 1898-1903 гг.)

ЗОТОВ Андрей Анатольевич - научный сотрудник Института социологии РАН.

В отечественной социологии В. Парето (1848-1923) известен как один из создателей теорий элит классического периода элитологии и как автор обширного "Трактата по общей социологии" (1916 г.), большая часть которого посвящена рассмотрению феномена социального бессознательного. Обращение Парето к этой теме не случайно и отражает общую тенденцию в развитии общественных наук во второй половине XIX в., состоящую в возрастании внимания к проблемам иррационального. Парето полагает, что в основе человеческого поведения чаще всего лежат неосознаваемые мотивы. В "Трактате" он проводит анализ расхождений между реальными причинами действий индивидов и тем, как они сами логически осмысливают (представляют себе, понимают и интерпретируют) причины своего поведения. Феномен неадекватного социального и социально-психологического отражения итальянский социолог изучал в отношении различных форм и уровней: обычные представления, отношение к авторитету, традиции, табу, мифы, религии, псевдонаучные теории, политические доктрины и т.д. Заслуги Парето в этой области трудно переоценить.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что в отечественных историко-социологических работах осталась "в тени" еще одна важная компонента наследия Парето, которую можно обозначить как социолого-политологическую. Это касается, в частности, его анализа социально-политического развития стран Европы, представленного в публицистике 80-х-90-х гг. XIX в., в которой он проявил себя как сторонник свободного экономического развития Италии и других европейских стран и как противник проведения политики экономического протекционизма, где он отстаивал права и свободы личности. Особое место в его исследованиях занимают две темы: социализм и демократия. Еще в 1891-1900 гг. Парето опубликовал ряд журнальных статей, в которых рассмотрел подъем социалистического движения в странах Западной Европы. Мы имеем в виду его статьи: "Социализм и свобода" (1891), "Протекционизм и коммунизм" (1896), "Этализм в Италии" (1897), "Профессора-социалисты" (1897), "Прогрессирование государственного социализма" (1899) и "Социалистическая опасность" (1900), в последней из которых приводится перечень "социалистических сект".

Парето обозначил данным термином социалистические ассоциации, поскольку увидел черты их сходства с религиозными сектами, а также отметил то, что рост популярности идей социализма сопровождается широким распространением в обществе чувств, родственных с религиозными. Он выделил ряд групп социалистов: Это "научные социалисты", приверженные марксизму в теоретическом отношении и внимательно изучающие и пропагандирующие работы Маркса и Энгельса; "катедер-социалисты", предлагающие переход к социализму через реформирование "буржуазного" государства; "непримиримые марксисты", стремящиеся политическими средствами (не исключая применение насилия) добиться социализации частного капитала; фабианцы, христианские социалисты, "социалисты-гуманисты", идеи которых носят явно филантропический характер и, наконец, радикальные социалисты, оцениваемые им как "наиболее многочисленные, наиболее влиятельные и наиболее вредные из всех специалистов" [1, p. 326].

Другой момент, характерный для этих публикаций Парето - указание на некую конвергенцию этализма (рост государственных монополий и разбухание госаппарата) и социализма: "...Мы обращаем внимание на эволюцию обществ европейского континента после 1870 г. ...и на то, как прогрессирование этализма и социализма проявилось и стало поистине впечатляющим. Социалистическое половодье с каждым днем прибывает, и теперь сами консерваторы с завидным рвением стараются подкопать и разрушить те запруды, которые еще способны его удерживать. Централизация подготавливает государственный социализм, а он отрывает путь для народного социализма" [1, p. 226].

В 1901-1902 гг. вышел в свет двухтомник Парето "Социалистические системы" - первая его фундаментальная социологическая работа. Если до ее написания рассмотрение феномена социализма имело фрагментарный и публицистический характер, то теперь эта тема стала объектом детального анализа. Статьи и заметки о социализме Парето продолжал публиковать и после выхода книги, и наш список можно было бы дополнить статьями: "Буржуазный социализм" (1904), "Коллективистский мираж" (1904), его заметкой по поводу событий в России 1905 г. и, пожалуй, статьей "Феномен большевизма" (1919), однако мы не станем сейчас анализировать работы, вышедшие после книги "Социалистические системы", на которой сосредоточим основное внимание.

Численность "научных социалистов" незначительна и потому, полагает Парето, одни они не могут пробудить стремление масс к социализму. Он констатирует, что научная теория "никогда не волновала массы и не вызывала восторг с их стороны"¹. Принятие социализма широкими массами было обусловлено "необдуманным энтузиазмом, который относится скорее к разряду религиозных чувств, чем научных убеждений" [2, р. 267]. Нарастание социалистических чувств в массах и распространение среди них фанатичной веры в то, что улучшения условий жизни можно достичь только путем радикальной смены существующего общественного строя - такова выделенная Парето общая особенность движения, быстро набравшего силу в Западной Европе со второй половины XIX в.

Введение к книге представляет собой изложение теоретического кредо Парето и выводит читателей на проблематику работы. Здесь впервые представлена в развернутом виде его теория элит, выступающая в качестве обоснования критики социалистических учений и политических программ социалистов; излагаются основы методологии исследования. Парето заявляет, что все науки в будущем сбросят иго религиозной веры и метафизики и начнут избавляться от влияния субъективных пристрастий ученых, встав на твердую почву опытного знания и применяя строгий логический метод анализа и проверки фактов. Здесь он формулирует и свой общий подход к анализу социальных явлений, состоящий в выделении в них объективной и субъективной сторон: "Всегда следует отличать конкретное объективное явление от той формы, в которой наш дух его постигает. Эта форма представляет собой иное явление, которое можно назвать субъективным" [3, р. 15]. Постановка философской ("метафизической" в трактовке позитивистов) проблемы отношения объективного и субъективного в процессе познания свидетельствует о том, что Парето продолжал во многом линию Конта, но выходил на проблемы гносеологии, которые не возникали перед автором "Курса позитивной философии".

Какое решение проблемы отношения объективного и субъективного предлагает Парето? Придерживаясь созерцательной модели научного знания, типичной для материализма и позитивизма XIX в., он рассматривает данное отношение без излишнего философствования как отношение отражения (не используя, правда, этого термина) и считает, что в акте познания человеку дан искаженный образ объективного явления: "Чаще всего нам известно только субъективное явление, т.е. объективное явление, подвергшееся деформации" [2, р. 17]. Однако у Парето речь не идет о проявлении субъективности на уровне чувственного знания, которое анализировал Эрнст Мах, проводивший редукцию научного знания к ощущениям. К этой теме Парето обращается в ином ракурсе. Он чаще всего рассматривает проявления "деформации" исторических фактов в обыденных представлениях их современников и наблюдателей, в мифах и религиях, в исторических документах, в псевдонаучных теориях, в политических доктринах и в партийных программах. Социальный исследователь в ходе работы с историческими фактами должен, по его мнению, "очищать" их от субъективных привнесений, связанных с "влиянием чувств и веры", с "выражением партийной или частной позиции", искажающих реальную картину. Реконструировать объективное явление на основе его субъективного образа в социальных науках значительно сложнее, чем в науках естественных, в которых, как упрощенно полагает Парето, субъективность проявляется в меньшей степени.

¹ Спустя три десятилетия после публикации этой книги мнение Парето об инертном отношении народных масс Италии к научному социализму повторил К. Росселли - социалист и антифашист: "Итальянская почва плохо подходила для марксистского социализма. Для огромных масс крестьянства, живущих под большим влиянием церкви, групп ремесленников-одиночек и немногочисленного авангарда промышленных рабочих было необходимо не обращение к социализму, но достижение современного уровня капиталистического развития... экономика, психология, традиции — все препятствовало полному пониманию и плодотворному приложению марксистского социализма" [3, с. 51-52]. Росселли пишет, что социализм в Италии начала века стал героическим идеалом для многих молодых интеллектуалов.

Такая общетеоретическая постановка вопроса определила подход итальянского социолога к анализу социализма как объективного и как субъективного явления (в его терминологии это изучение социализма в "объективном" и "субъективном" аспектах). Он выделяет "реальные" и "идеальные" социалистические системы. Реальные системы - это встречающиеся в истории человечества и реально (теоретически) возможные в будущем общественные и государственные образования, которые характеризуются достаточно высоким удельным весом коллективной или государственной собственности. Идеальные системы представляют собой социалистические воззрения, которые могут принимать форму мифов, идеалов, утопий, доктрин, теоретических построений и политических программ.

Любое человеческое общество (отметим, что Парето стремится избежать абстрактных рассуждений об "обществе вообще", стараясь рассматривать исторически данные, ранее существовавшие или ныне существующие конкретные общества) выступает для него как сложный комплекс, как большая система. По традиции социологии классического периода, берущей начало от трудов Конта и Спенсера, общество предстает у него порой как социальный агрегат, порой как социальный организм. Строя механистическую модель общества, итальянский социолог представляет его в виде сложного гетерогенного агрегата (конгломерата) взаимодействующих социальных молекул. Внутри такой системы при отсутствии сильных внешних воздействий на нее складывается состояние динамического равновесия: хотя ее частицы - молекулы непрерывно циркулируют, система в целом сохраняет стабильность до тех пор, пока не изменятся условия равновесия в ней. После этого она либо переходит в новое равновесное состояние, либо начинает разрушаться. Парето полагал, что проекты социалистического переустройства общества представляют собой абстрактно-спекулятивные и утопические построения. Любые попытки их практической реализации будут иметь катастрофические последствия, связанные с нарушениями равновесия в широком смысле слова (расстройство и упадок производственной и распределительной систем, падение жизненного уровня населения, снижение рождаемости и т.д.) и в итоге - нежелательная деформация общества.

Парето отмечает, что и в прошлом, и в настоящее время встречается немало людей, склонных верить, что государство - это нечто абсолютно непохожее на то общество, в котором оно существует. Вслед за Платоном многие социальные мыслители прошлого полагали, что есть абстрактная сущность, которая называется государством, что она обладает собственным бытием и не зависит ни от характера живущих в нем людей, ни от условий общественного развития. Близкую ошибку совершают, как он утверждает, те, кто связывает социальную несправедливость со стороны властей исключительно с особенностями общественного строя, с политическим режимом или с плохими законами. Он апеллирует к здравому смыслу и к постулату о неизменности биологической и психологической природы человека. "Если бы правящий организм возник среди народа, состоящего из совершенных индивидов, то самые честные и моральные средства оказались бы для него и наиболее эффективными. ...Но поскольку он развивается среди людей, т.е. несовершенных существ, ему приходится пользоваться средствами, адекватными по отношению к этим существам... и представляющими собой в силу необходимости соединение хорошего и плохого" [2, р. 86]. Если социалисты утверждали, что смена капиталистического общественного строя на социалистический ведет к улучшению условий жизни абсолютного большинства населения, то Парето доказывал, что она означает только смену элит, что уже не раз было в истории.

Наиболее существенный признак, позволяющий выделить "реальные" социалистические системы, состоит в доминировании коллективной собственности. Парето уточняет, что вообще без частной собственности² обойтись невозможно: "Обе крайности неосуществимы, поскольку устранить полностью частную собственность нельзя, так же как невозможно обеспечить ее существование без ограничений". Реальные социалистические системы "отличаются тем, что в них допускается только некоторый минимум частной собственности". Впрочем, пишет он, "эта черта характерна также и для некоторых других систем, которые не принято считать социалистическими, к примеру, для деспотических организаций" [2, р. ПО]. Вспомним, что в начале XX в. отвержение частной собственности сближало практически все направления в социалистическом движении, но имелись разногласия в

² Под частной собственностью Парето понимает любую индивидуальную собственность, что расходится с представлением, сложившимся в традиционной советской интерпретации марксизма: личную собственность на предметы потребления следует отделять от частной собственности не только на средства производства, но и на продукты труда.

выборе путей ее устранения. Радикальные социалисты (например, социалисты-революционеры и русские большевики) были самыми непримиримыми борцами с нею, тогда как умеренные социалисты (в частности, Э. Бернштейн) предлагали путь ее постепенного вытеснения, при котором она мирным и легитимным образом преобразуется в коллективную собственность. Первые требовали полной ликвидации частных предприятий; вторые допускали их существование при условии изъятия значительной части их прибыли.

В зависимости от того, какая часть частной собственности претерпевает наибольшие ограничения, Парето выделяет три типа таких систем. Системы первого типа образуются путем социализации частной собственности и на средства производства, и на производимые материальные блага: "Если речь идет о любой, какой бы то ни было собственности, то мы будем иметь с одной стороны полный коммунизм, с другой - режим абсолютного деспотизма, при котором у деспота нет подданных, а есть рабы" [2, р. 110]. Системы второго типа формируются при сохранении частной собственности на продукты труда и устранении (точнее, сильном ограничении) частной собственности на средства производства. Это народный социализм. Парето полагал, что эта форма социальной организации приводит к сильной государственной монополии, к централизации и бюрократизации общества, к разрастанию функций государственной власти. При образовании социалистических систем третьего типа ущемляется частная собственность на произведенные частными предприятиями продукты и на их прибыль при сохранении самих предприятий в частной собственности. Это может осуществляться как путем прямого и безвозмездного изъятия части продукции и прибыли частных предприятий для последующего перераспределения в пользу государства и общества, так и через соответствующую налоговую политику. Парето уточняет, что здесь может идти речь о социализме в ограниченном смысле, поскольку собственность остается по-прежнему частной и дело сводится к ее государственному перераспределению. Он называет этот социализм "буржуазным" и считает, что в этом случае формируется беспринципная и демагогичная олигархия, происходит рост государственных и негосударственных монополий, что приводит к патернализму, к политической коррупции, в совокупности препятствуя развитию производства. Черты, позволяющие отнести некоторые реальные общества к разряду "буржуазного социализма" Парето обнаруживает в Германии Бисмарка и во французском "государственном социализме". Подчеркиваю, что этот термин имеет у него смысл, тесно связанный с политическими реалиями того времени, когда писалась книга, и российский читатель ни в коем случае не должен смешивать его с социализмом, известным из нашей недавней истории. Парето характеризует так отнюдь не социалистическое государство - Францию 1900 г., оценивая деятельность правительства Вальдек-Руссо, на которую оказывал значительное влияние министр-социалист Мильтеран. По существу под "буржуазным государственным социализмом" или (его же слова) "социализмом капиталистов и предпринимателей" Парето понимал то, что являлось корпоративным капитализмом и в социалистической литературе получило имя государственно-монополистического капитализма.

Напомним читателям, что В.И. Ленин в работе "Империализм как высшая стадия капитализма" (1916) рассматривал такую систему как "канун социалистической революции" и сожалел о том, что госкапитализм не нравился в России, где господствовало мелкотоварное крестьянское хозяйство. Ленин считал госкапитализм наиболее удобным условием перехода к социализму. Эта мысль созвучна приведенным выше словам Парето о подготавливающей государственный социализм централизации, открывающей путь к народному социализму. Естественно, что оценки этой тенденции, данные обоими авторами, диаметрально противоположны.

Эти три типа реальных социалистических систем представлены разнообразными воплощениями в исторически конкретных обществах. Парето знакомит читателей с особенностями социального устройства ряда обществ Европы, Азии, Америки как тех образований, у которых он распознает социалистические признаки. Он описывает коллективистские формы развития аграрной сферы в древнем Китае и в империи инков и сельские поселения, основанные миссионерами Ордена иезуитов для обращения в христианство индейцев Колумбии и Парагвая. Он также рассматривает социалистические эксперименты Р. Оуэна и аграрные коммуны, появившиеся во второй половине XIX в. на островах Ява и Новая Зеландия. Как и в других работах, его интересуют государственные формы античной Греции и древнего Рима. Основное внимание обращается на структуры власти и управления, организацию сельских общин и систему налогообложения.

Один из первых исторических прототипов коммунистической организации общества Парето вслед за Мабли обнаружил в античной Спарте, где на протяжении почти двух

столетий (VIII—VII в. до н.э.) благодаря законам Ликурга осуществлялись меры, сводившие к минимуму возможности личного обогащения и рост имущественного неравенства. Все граждане Спарты (свободные спартанцы) официально считались равными и независимо от своего происхождения и общественного положения жили в одинаковых условиях, как солдаты в казарме, одинаково просто одевались в грубую одежду, ели одинаковую пищу на совместных трапезах - сесситиях, пользовались одинаковой домашней утварью. Земля распределялась между ними равными наделами, и на ней под присмотром трудились государственные рабы - илоты (люди из государств, покоренных Спартой). Подневольный труд илотов освобождал спартанцев от необходимости самим возделывать землю и позволял посвящать себя государственным делам и совершенствовать боевое мастерство. Торговля и ремесло презирались спартанцами как занятия, позорящие гражданина; они являлись уделом периеков - неполноценного населения сопредельных со Спартой городов. Ради приостановления роста имущественного неравенства Ликург по преданию даже изынял из обращения золотую и серебряную монеты, вместо которой ввел тяжелые и неудобные в торговых операциях железные оболы.

Парето ссылается на Плутарха, который видел причины упадка Спарты вскоре после ее военной победы над Афинами в том, что она оказалась переполненной трофейным золотом и серебром, что привело к утрате былого равенства граждан. Древнегреческий историк сообщал о предсказании оракула: Спарта погибнет от любви к богатствам. Обобщая сведения Плутарха, Аристотеля, Ксенофонта и других античных авторов об эволюции Спарты, Парето высказывает мнение, что она кое в чем близка к эволюции европейских обществ Нового времени. Отношения между спартанцами и периеками развивались, считает он, по тому же "сценарию", что и отношения между аристократами и буржуа в средневековой Европе, т.е. спартанцы беднели и понемногу утрачивали часть своих особых прав, тогда как периеки становились богатыми. Он пишет: "И те, и другие были недовольны. Первые — оттого, что имели права, но не имели богатства, вторые - оттого, что имели богатства, но не имели прав" [2, р. 151]. Экономические изменения привели к социальным переменам в спартанском обществе. Реформы Агида и Клеомена (вторая половина III в. до н.э.) юридически закрепили перераспределение собственности и частную собственность на землю, позволив периекам добиваться прав гражданства. Напрашивается вывод о том, что античное подобие социалистического общества в спартанском варианте могло сохранять устойчивость лишь в условиях очень жесткой системы, ограничивающей уровень потребления и пресекающей естественно возникающее имущественное неравенство. Спартанское общество оказалось "неконкурентоспособным" по отношению к тем полисам античной Греции, которые развивались на основе частной собственности.

Опуская описание многих из приводимых Парето исторических прототипов социалистического общества, перечислим выделенные им их общие черты. Это отсутствие экономической самостоятельности работников (крестьян-общинников и кооперированных ремесленников), их эксплуатации со стороны государственных чиновников и жрецов, порой использование труда государственных рабов, борьба за привилегии между представителями высших слоев и каст, деспотизм верховной власти. В то же время подчеркивается, что власть деспотов не абсолютна. Они вынуждены считаться с интересами государственной бюрократии и военной верхушки.

Обширный исторический материал был проанализирован итальянским социологом под углом зрения той концепции исторического процесса, которой он придерживался. Главное в ней - отказ от представления об однолинейно направленном прогрессивном развитии обществ, на основании которого страны "азиатского способа производства" (Маркс) выступают в качестве низшей ступени, за которой следует античный мир с продолжением вектора социального развития через средние века в новое и новейшее время. Однако история, - утверждает Парето, - это волновой процесс, что прослеживается как в экономической, так и в социальной и политической сферах общественной жизни. Наглядное подтверждение тому - цикличность, связанная с процессами обновления и циркуляции элит. В экономике, в морали, в религии и даже в философии можно проследить ритмичность происходящих изменений. Конечно, события и процессы, наблюдаемые в обществе, не могут быть адекватно поняты без уточнения относительно их прогрессивного или регрессивного характера, но это не означает, что сами изменения необходимо соотносить с единым "вектором" мировой истории, поскольку такового не существует.

Каков критерий общественного прогресса? Парето пишет: "Производство экономических благ увеличивается главным образом за счет роста свободных капиталов, среднее количество которых, приходящееся на одного гражданина той или иной страны, является

одним из самых надежных показателей цивилизованности и прогресса". На основе их роста "улучшаются нравы, повышается уровень морали"; происходит "медленная трансформация социокультурных условий" [2, р. 40]. Общественный прогресс у Парето непосредственно связан с совершенствованием и широким распространением конкуренции как метода отбора людей в элиту в экономической деятельности, в политической сфере и в управленческих структурах [2, р. 276]. Парето убежден в том, что никакая государственная регламентация не в состоянии восполнить недостаток частной инициативы и заменить свободную конкуренцию в качестве инструмента отбора. Явное предпочтение отдается им социальной эволюции и осуждается все, что ее тормозит, прежде всего "многочисленные траты, производимые ради государственного социализма и всевозможные протекционистские законы" [2, р. 41]. Так, он отмечает, что во Франции истребление движимых капиталов достигло больших масштабов из-за протекционизма и "государственного социализма".

Также и в Италии в условиях усиления экономического протекционизма и патерналистской политики правящих кругов происходили те изменения, которые Парето оценивал как регрессивные: этатизм, бюрократизация, массовые нарушения гражданских прав и свобод, милитаризация и т.д. Социолог предчувствует приближение "эры войн и революций" и пишет об этом с тревогой: "Мы вовлекаемся в экономическую революцию, и ее можно сравнивать с той, которая разрушила римскую цивилизацию и окутала Европу мраком средневековья. Эта революция, на мой взгляд, неизбежна, и не благодаря силе тех партий, которые штурмуют общества, но по причине невежества, легкомыслия и малодушия со стороны господствующих классов, ограбление которых еще впереди". И далее: "В нашу эпоху уже проявляются те предвещающие признаки, за которыми в прошлом последовали крупные социальные и экономические революции. Воспользуемся временем, предоставленным нам для их изучения, пока новая радикально-социалистическая вера не стала вводить свои догмы, угрожая несогласным тюрьмой и подвергая опасностям их жизни" [1, р. 541]. Парето полагает, что широкомасштабная экспроприация частной собственности будет неизбежна в условиях недостаточного сопротивления тех, кого социалисты намерены экспроприировать.

Повторяемости в истории нет, но исторические параллели полезны для понимания тенденций в развитии процессов настоящего. Парето сопоставляет агитацию революционных социалистов в странах Европы рубежа XIX-XX вв. с призывами демагогов в греческих демократических полисах в III в. до н.э. В поведении тех и других есть сходные мотивы: если первые советовали рабочим добиваться экспроприации собственности буржуазии, то вторые предлагали плебеям судить наиболее состоятельных представителей знати с последующей конфискацией их собственности и земель. Он пишет: «Аристотель в качестве одной из наиболее частых причин революций отметил тот факт, что "демагоги, желая подольститься к народу, начинают притеснять знатных людей и побуждают их восстать, требуя провести разделы их имущества, либо заставляя их отдавать доходы на литургии³, либо наводя на них наветы, чтобы получить возможность конфисковать их собственность". [Политика. 1305 а. - А.З.]. Те же стремления имеют место в наши дни. Одни требуют, чтобы были экспропрированы все "буржуа", вторые ограничились бы экспроприацией евреев, третьи - протестантов...» [2, р. 156-157]. Отметим, что слово "L'expropriation" Парето в данном контексте нередко заменяет словом "La spoliation" (расхищение, ограбление). П. Бергер имел основания констатировать: «В. Парето считал социализм лишь иной формой того, что он называл "грабежом", т.е. процессом, с помощью которого одна группа стремится ограбить другую. ...С этой точки зрения интеллектуалы, идентифицирующие себя с социалистическим движением, ограничиваются тем, что связывают с социализмом свои надежды (правильные или неправильные) на то, что они в будущем станут элитой» [4].

Неравенство в распределении доходов Парето рассматривает как закономерное явление, обусловленное неравенством физических и интеллектуальных качеств людей. Широкомасштабная экспроприация крупных собственников ведет к разрушению производства и социальным бедствиям. Для обоснования этого вывода он опирается на положение своей политэкономической теории, заключающееся в следующем: экономическое равновесие обеспечивает обществам вхождение в режим, оптимальный в плане экономического развития и роста производства, который характеризуется стабильностью пропорций между

³ В античной Греции литургиями назывались денежные повинности в пользу общества (на благоустройство территории, строительство общественных зданий, проведение спортивных игр и т.д.), которые предписывалось исполнять самым богатым гражданам.

недвижимыми, движимыми и личными капиталами. Если в некотором состоянии равновесия "принудительно уменьшается количество одного из трех видов капиталов, к примеру, движимых, то остальные капиталы не могут использоваться также хорошо, как раньше. Как следствие, падает потребление и растет бедность" [2, р. 133]. По мнению Парето, любое вмешательство сверху в свободное функционирование рынка приводит к нарушению экономического равновесия и к разрушению капиталов, задействованных в сфере производства.

Доходы "богатых классов" служат сохранению и приумножению движимых капиталов, что, - подчеркнул Парето, - отмечает и Маркс, считающий капиталиста "фанатичным агентом процесса накопления" [2, р. 159]. Накопленные капиталы (накапливались ли они благодаря "смелым спекуляциям" или упорному созидательному труду - для Парето не имеет значения) открывает перспективу их использования в сфере производства, прежде всего как оборотных средств. Если крупные частные капиталы ликвидируются без замены их на продуктивные коллективные капиталы, то общая сумма используемых капиталов уменьшается, нарушаются пропорции между тремя видами капиталов, происходит спад производства. "Если ликвидируются наиболее высокие доходы, то ...независимо от чьей-либо воли это приводит к уменьшению доходов тех, у кого они были низкими" [Ibid.].

Парето не ставит знак равенства между призывами наиболее радикальных социалистов к рабочим о проведении широкой экспроприации капиталистов и предлагаемым марксистами социалистическим преобразованием общества. Он уточняет, что в марксизме под экспроприацией экспроприаторов понимается не истребление частного капитала как такового, а преобразование его в коллективный капитал (правда, при этом он выражает немалый скептицизм в отношении осуществимости такого преобразования). В отличие от марксизма политика "государственного социализма" ориентирована, считает он, только на нерациональное растраниживание капиталов, изъятых у богатых слоев общества, без восстановления капитала в коллективной форме.

Ко времени работы Парето над "Социалистическими системами" существовавшие во Франции социалистические союзы и партии пользовались значительной поддержкой масс и добивались успехов на пути к политической власти. В ходе выборов 1899 г. они овладели рядом муниципалитетов в городах Париж, Дижон, Лилль, а социалист А. Мильеран получил портфель министра торговли и промышленности. В Италии участие социалистов и левых партий в политической жизни и в работе парламента и министерств оставалось незначительным. Тем не менее, социалистическое движение нарастало и здесь в ходе роста промышленности и по мере расширения избирательных прав. Что же превращало социализм из учения, предлагавшего обществу далеко не лучшую (с точки зрения Парето) форму общественного устройства, в набирающее силу политическое движение?

В числе причин Парето называет альтруистические чувства, которые являются "цементом" общества. Есть, однако, и иной комплекс чувств: зависть бедных к богатым, порой перерастающая в стремление овладеть богатствами высших слоев общества. "Инстинкт социальности", склоняющий представителей "высших классов" к состраданию и благотворительности, может привести к повышенной sentimentalности, к утрате чувства самосохранения, к потере мужества, к неспособности защищаться и т.д. Все эти черты неадекватного поведения представляют собой явление социального и социально-психологического характера. Классик итальянской социологии вновь вводит нас в область отношений элит и рассматривает нарушение "чувства меры" в проявлении гуманизма представителями правящей элиты как симптом слабости и деградации: "Человек несчастен в нашем обществе: если мы возвратимся к естественному состоянию, то он будет счастлив. Жадные люди обожают золото: если мы ликвидируем золото, то будет ликвидирована и жадность. ...Пока элита обладает силой и энергией, рассуждения подобного рода встречают понимание только со стороны представителей узкого круга литераторов, поэтов, дилетантов, но когда элита приходит в упадок, они оказываются свойственными значительной части составляющих ее лиц" [2, р. 65]. Подобный феномен, показывает Парето, не раз имел место в истории: в Риме эпохи Тиберия и Домициана, во Франции накануне революции 1789 г. И вот теперь буржуазия "заигрывает с "духом социализма".

Поскольку буржуазия, как и любой социальный класс, неоднородна, ее "заигрывания с социализмом" для некоторых политических группировок - лишь способ найти опору в "низших классах" в борьбе за власть, а превращение социализма в "карьеру" создает питательную почву для политиканства и демагогии. Парето приводит примеры, призванные убедить, что подобные приемы политической борьбы встречались и в античном мире.

Сравнение поведения "буржуа" и "адептов социализма" в отстаивании ими своих классовых интересов говорит не в пользу первых. У последних Парето отмечает наличие

"высоких моральных качеств и самопожертвования", но осуждает их за третирование частной собственности и за преследование тех рабочих, которые не желают бросать работу, когда профсоюзные активисты стремятся провести забастовку.

О том, как затронет "социалистическую элиту" процесс циркуляции элит в исторической перспективе - говорить было еще преждевременно. Во многом анализ реальных социалистических систем Парето дал в модусе возможности. Правда, он, как уже было отмечено, зачислил в этот разряд протосоциалистические государственные образования. "Материализация" коммунистических доктрин в России начнется через полтора десятилетия после издания книги, и Парето застанет лишь ее начало. Этот процесс будет сопровождаться образованием "нового класса" - номенклатуры, которая сменит социалистов-романтиков.

Первые четыре главы книги посвящены анализу социализма как объективного явления; в остальных десяти ее главах он изучается как субъективное явление. В них проводится исследование социалистической идеологии в разных ее проявлениях, рассматриваются формы построения и логические стороны социалистических теорий, мифов и этических воззрений (норм, предписаний, требований и т.д.). Парето классифицировал их в духе Конта, выделяя три группы социалистических "воззрений умов": религиозные, метафизические и научные. При этом он не проводил жестких разграничительных рамок, поскольку чаще всего встречаются "смешанные системы" с элементами, относящимися к различным группам.

Учитывая момент относительности классификации теоретических систем у Парето, имеет смысл выделить особенность, общую для религиозных и метафизических систем: и в тех и в других на второй план отходит "экономическая сторона организации и земное счастье людей", при этом религия основана на чувствах, а метафизика обращается к разуму, но обе стремятся избежать санкции со стороны опыта". В отличие от них "научные системы...используют или, по крайней мере, пытаются использовать данные наблюдения, опыт и логику" [2, р. 240].

"Смешанный" характер теории и высокая степень религиозности характерны для социалистических систем: "Социализм оказывается религиозной формой, лучше всего адаптированной к рабочим, занятым в крупной промышленности; социалистическая религия, где бы она ни зарождалась, вербует приверженцев с эффективностью, пропорциональной развитию промышленности. Социализм упрощает организацию элит, рождающихся в низших классах и становящихся в нашу эпоху одним из лучших инструментов обучения этих классов" [2, р. 74].

Две последние главы книги, включенные в раздел "Научные системы", посвящены марксизму. Это главы "Экономическая теория Маркса" и "Материалистическая интерпретация истории и классовая борьба". Хотя теорию Маркса в целом Парето отнес к разряду научных систем, его учение о прибавочной стоимости было включено в метафизические системы. Наиболее ценным в марксизме он считает теорию классовой борьбы, но считает, что такая борьба имеет место не только между двумя антагонистическими классами, но и внутри каждого из них, а также между бесконечным числом социальных групп, имеющих разные интересы и особенно между элитами, оспаривающими власть.

На большом историческом интервале - от античности и до современности - Парето попытался максимально полно "учесть" и "описать" основные предложенные историками, философами, политическими и религиозными деятелями учения, которые, как он полагал, имели отношение к социалистической ориентации. Обширный материал, посвященный идеальным системам социализма, в данной статье специально не рассматривается, однако невозможно получить адекватное представление об "объективной стороне" социализма (в изложении Парето) ограничившись только начальными главами книги, без экскурсов в ту содержательную часть, в которой речь идет об идеальных системах.

Парето во многом предстает ученым, разделяющим методологические установки науки XIX в.: стремление полностью описать объект, построить исчерпывающую классификацию, приблизить социологию к тому идеальному типу научной теории, которым многие исследователи позитивистской ориентации считали классическую механику, отчасти использование ее понятийного аппарата. С этим связано и его общее методологическое требование (о чем уже было сказано) об устранении субъективной компоненты из социального исследования. Он выдвигает позитивистское положение о том, что научная теория строится исключительно на основе опыта и логики, обобщает факты и выявляет существующие в природе и в социальном мире единообразия (законы).

Парето объявил, что он будет строить рассуждения исключительно в объективной и аналитической манере, не поддаваясь влиянию ни чувств, ни политических пристрастий, но

не смог остаться верным данному требованию. Рассмотрение социализма проводится им с либеральных позиций и в его рассуждениях о социалистах чувствуется видение промышленного капиталиста (таковым он был в 80-е гг., когда возглавлял крупную металлургическую компанию). Знакомство с книгой "Социалистические системы", появлению которой в этом году исполняется сто лет, позволяет констатировать, что в рождении его теории элит большую роль сыграл "политический фактор" и либеральная полемика с социалистами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pareto V.* CEuvres completes; Tome IV. Libre-echangisme, protectionisme et socialisme. Librairie DROZ, Geneve, 1965.
2. *Pareto V.* (Euvres completes. Tome V. Les systemes socialistes. Librairie DROZ, Geneve, 1965.
3. *Росцелли К.* Либеральный социализм. Рим: Mondo Operaio, 1989.
4. *Бергер П.Л.* Социалистический миф // Социол. исслед. 1990. № 3.